

С. В. Ефимов (Санкт-Петербург)

МЕМОРИИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

В 2023 г. исполняется 320 лет со дня начала формирования собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) – старейшего военного музея в России и одного из крупнейших в мире. 29 августа 1703 г. Петром I на территории Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге был заложен Цейхгауз для хранения и «памяти на вечную славу» уникальных исторических образцов вооружения, военных трофеев и реликвий.

Мемориальные вещи, принадлежавшие Петру Великому, ныне хранящиеся в музее, являются предметом особой гордости для его сотрудников¹. История этого уникального комплекса ведет свое начало с 1827 г. (по другим сведениям – с апреля 1826 г.), когда из Придворной конторы Министерства Императорского Двора «по повелению государя императора» Николая I в арсенал были переданы предметы гардероба Петра I, а также мемориальные вещи его преемников. В письменном распоряжении генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Павловича было сказано, что все эти предметы помещены в арсенал «для вечного хранения».

Среди наиболее ценных меморий хранился мундир по форме офицера лейб-гвардии Преображенского полка, в котором Петр был в Полтавском сражении, личное оружие и предметы гардероба государя. Эти вещи были помещены по распоряжению императрицы Анны Иоанновны в 1732 г. в Кунсткамеру, где были выставлены для посетителей². Составитель каталога-путеводителя «Кабинет Петра Великого» О. П. Беляев с пиететом писал о «полтавском» мундире: «Взирая на него со вниманием, приходишь в священное некое очарование; и кажется, что уже стоишь на Полтавском поле между тучею ядер, отовсюду на Ироя нашего стремящихся. Кажется, видишь Петра Великого... Слышишь

светлый Его глас, раздающийся по воинству: Дерзайте! Где больше опасности, там больше славы»³.

Праправнук первого российского императора посчитал, что личным вещам Петра Великого не место среди научных коллекций и приказал большую их часть разместить в Достопамятном зале «Собственного Его Величества Арсенала»⁴. Этот зал был создан по указу императрицы Елизаветы Петровны на основе Цейхгауза, заложенного еще самим Петром I.

После событий 1825 г. царь отчетливо сознавал необходимость в подъеме престижа российской монархии. В то же время русское общество проявляло все больший интерес к хранилищу отечественных достопамятностей. В связи с этим артиллерийское ведомство приняло решение составить иллюстрированное историко-хронологическое описание предметов Достопамятного зала и издать его на русском и французском языках для продажи посетителям.

Составление «Описания» было поручено полковнику В. А. Эрдману. Работу непосредственно курировал генерал-фельдцейхмейстер великий князь Михаил Павлович. Он трижды просматривал (в 1830, 1832 и 1837 гг.) варианты рукописи и вносил свои замечания⁵.

Пристально наблюдал за деятельностью Эрдмана и сам император Николай I. В декабре 1838 г. «Описание достопамятных предметов, хранящихся в Санкт-Петербургском арсенале» – первый научный каталог музея – было завершено⁶. Благодаря этому описанию сохранился первый список мемориальных вещей, принадлежавших Петру Великому.

Император Николай с удовольствием рассмотрел труд Эрдмана и поручил ему составить такое же исчерпывающее описание всего ручного огнестрельного и холодного оружия русской армии с начала XVIII в. Недостающие в Достопамятном зале образцы приказано было прислать с заводов и арсеналов. Для размещения оружейной коллекции предоставлялось самое красивое помещение в Новом арсенале – большой 16-колонный зал, специально оборудованный для этой цели. Большое внимание в труде Эрдмана уделено описанию памятников Петровской эпохи и Северной войны. Так, например, в разделе «Комната № 10. Предметы, хранящиеся в память в Бозе почивших особ Императорской фамилии» перечисляются мемориальные вещи Петра Великого⁷.

Эрдман пишет и о ключах от города Дербента, поднесенных в 1795 г. генерал-губернатору Кавказского наместничества графу В. А. Зубову: «По преданию они те же самые, с которыми Ноября 23-го 1722 года дербентский Наиб (губернатор) встретил Государя Императора Петра Великого. Уверяют также, что тот самый старик, который поднес ключи генералу графу Зубову, находился при сей церемонии в 1722 году»⁸.

Автор приводит сведения о трофейных шведских знаменах, взятых в сражениях при Лесной, Полтаве, во время кампании в Прибалтике (1710) и Финляндии (1713–1714)⁹.

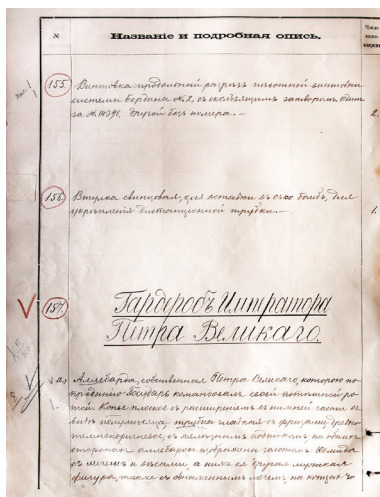
В описании упомянута деревянная кровать, доставленная из Выборгского гарнизона и получившая наименование «Кровать Петра Великого», а также расшитый золотом государственный герб Российской империи, висевший в Военной коллегии¹⁰.

В 1862 г. заведующий Достопамятным залом И. Д. Талызин создал второе после Эрдмана иллюстрированное описание собрания. Оно носило название «Описание артиллерийского зала достопамятных и недостопамятных предметов 1862 года» и включало 10 113 предметов. К сожалению, некоторые из этих исторических памятников прошлого не сохранились до сегодняшнего дня¹¹.

В «Описании» был дан перечень предметов, хранившихся в так называемой «Комнате гардеробной императора Петра Великого». Среди них: полковничий мундир Петра, который был на нем во время Полтавской баталии, шляпа, пробитая шведской пулей, офицерский шейный знак, 17 различных портупей, еще один мундир темно-зеленого сукна с золотым позументом, три колета (кожана), нижнее платье, башмаки со стальными шпорами и два офицерских шарфа. Оружие царя-преобразователя было представлено тремя шпагами и тремя эспантонами (с одним Петр командовал потешными, с другим участвовал в Азовском походе, а третий получил в 1706 г., став полковником лейб-гвардии Преображенского полка)¹².

13 октября 1872 г. заведующим музеем был назначен известный уже специалист в области истории вооружения Николай Ефимович Бранденбург (1839–1903)¹³. В невиданно короткие сроки он превратил плохо описанное и труднодоступное для посетителей собрание «достопамятностей» в музей в собственном смысле этого слова.

В «Описи Артиллерийского музея» (в так называемых «Красных книгах», названных по цвету переплета), составленной

Ил. 1, 2. Опись Артиллерийского музея. Часть I. Книга I. 1882 г. Обложка и страница с описанием мемориальных предметов Петра Великого

в 1882 г., Н. Е. Бранденбург дает полное перечисление мемориальных предметов Петра Великого, хранившихся на то время в музейном собрании (ил. 1, 2).

«Гардероб императора Петра Великого.

а) Алебарда собственная Петра Великого, которой, по преданию, государь командовал своей потешной ротой. Копье плоское с расширением в нижней части в виде полумесяца, трубка гладкая с фризами, древко темнокоричневое с железным подтоком; на обеих сторонах алебарды изображены золотом Фемида с мечом и весами, а ниже ее другая мужская фигура, также с обнаженным мечом; на концах расширения арматуры, между фигурами на золотой ленте следы бывших букв, означавших по видимому год.

б) Алебарда собственная Петра Великого, с которой, по преданию, государь состоял волонтером в Азовском походе 1695 года. Копье плоское с расширением в нижней части в виде полумесяца; трубка гладкая с фризами, древко черное без подтока. На одной стороне алебарды выгравированы изображения: наверху рука с обнаженным мечом, под которой надпись (далее пропуск. – С. Е.) и ниже женская фигура с поднятым кверху мечом, еще ниже в круглом щите с арматурой выгравированы две человеческие

фигуры. С другой стороны алебарды наверху рука с обнаженным мечом и под ней «Анно 1659», ниже арматура из пушки, барабана и копий, под которой надпись (далее пропуск. – С. Е.) (Единому Богу слава). Еще ниже в круглом щите с арматурой выгравированы также две человеческие фигуры.

в) Знак офицерский собственный Петра Великого, серебряный вызолоченный, с Андреевским крестом под короной (последняя отломана во время кражи, совершенной в музее в 1871 г.). Подбивка знака зеленая бархатная, при нем остаток красной ленты. Примечание: Этот знак был на Петре Великом в день Полтавской битвы.

г) Камзол собственный Петра Великого из темнозеленого сукна, на узорчатой зеленой шелковой подкладке, без воротника. По борту, карманам и концам рукавов обшит золотым позументом; пуговицы гладкие, выпуклые, золоченые. Попорчен молью. При нем короткие штаны из темнозеленого сукна на белой холщевой подкладке; на разрезах у колен расшиты золотым позументом; пуговицы золоченые гладкие выпуклые.

д) Колет собственный Петра Великого, белый, лосиный, с маленьким воротником и длинными рукавами, без подкладки, которая имеется только в конце рукавов. На последних по пяти золоченых пуговиц. Примечание: колет этот Петр Великий одевал иногда в бою под мундир, в виде лат.

е) Колет собственный Петра Великого, белый, лосиный, без воротника, с длинными рукавами. Примечание: В колете этом Петр Великий работал на корабельной верфи в Саардаме.

ж) Краги собственные Петра Великого, из черной кожи, с широкими раструбами и стальными шпорами. Примечание: Эти краги были на Петре Великом в день Полтавской битвы.

з) Мундир собственный Петра Великого, полковничий Л. Гв. Преображенского полка, из темнозеленого сукна, с таким же маленьким воротником и красными обшлагами. По борту, обшлагам и карманам золоченые конические пуговицы. Подкладка шелковая пепельного цвета, попорчена молью. Примечание: Мундир этот был на Петре Великом в день Полтавской битвы.

и) Португезя собственная Петра Великого, лосиная, украшенная золотым шитьем, без пряжек.

к) Португезя собственная Петра Великого, лосиная, на красной холщевой подкладке, украшена по краям простым золотым шитьем в виде дорожки. Наконечник вызолоченный.

л) Португеи собственные Петра Великого, лосиные, на белой шелковой подкладке, по краям и на лопасти обшиты позументом (одна золотым, другая серебряным). Без пряжек. 2 штуки.

м) Португеи собственные Петра Великого, лосиные, по краям и лопасти украшены простым золотым шитьем в виде дорожки. Одна португея с золочеными пряжками, другая без них. 2 штуки.

н) Португея собственная Петра Великого, кожаная, обтянута красной шерстяной материей, на шелковой подкладке. без пряжек. Весьма испорчена молью.

о) Португея собственная Петра Великого, простая, кожаная, со стальной пряжкой.

п) Португея собственная Петра Великого, лосиная, обложенная по краям золотым позументом и с одной стороны бахромой. Пряжки вызолоченные. При ней такая же лопасть, обложенная золотым позументом и по одному краю бахромой, наконечники вызолоченные.

р) Португеи собственные Петра Великого, лосиные, обтянуты красной шелковой материей, без пряжек. 2 штуки.

с) Португеи собственные Петра Великого, лосиные, обтянуты грубым черным сукном, без пряжек, попорчены молью. 2 штуки.

т) Португея собственная Петра Великого из синей шелковой тесьмы, на красной шелковой подкладке, пряжки вызолоченные, без каменьев, которыми были украшены.

у) Португея собственная Петра Великого, крашенная (из крашеного домотканного полотна. – С. Е.), обтянутая зеленым сукном на шелковой пепельного цвета подкладке, на конце две золоченых конических пуговицы, весьма повреждена молью.

ф) Протазан собственный Петра Великого, которым, по преданию, государь командовал Преображенским полком в чине полковника. Копье плоское с вызолоченным расширением в нижней части, в виде полумесяца; на расширении с обеих сторон расположена арматура, в середине которой, в венке, Андреевский крест и над ним корона. Трубка гладкая, с фризами и надетой на нее золотой кистью; древко черное, без подтока.

х) Шарфы собственные Петра Великого, шелковые, вязаные, с шелковыми на концах кистями. Вдоль шарфа три полосы (голубая, красная и белая). 2 штуки.

ц) Шарф собственный Петра Великого, шелковый, вязаный, без кистей. Вдоль шарфа три полосы (голубая, красная и белая).

ч) Шарф собственный Петра Великого, вязаный частью из канители, частью из шелка и частью из шелка обвитого канителью. По концам золотые кисти. Вдоль шарфа три полосы (красная, голубая и белая).

ш) Шляпа собственная Петра Великого, пуховая, черная, треугольной формы, бывшая на государе в день Полтавской битвы и пробитая пулей, крайне ветха и порвана¹⁴.

щ) Шпага собственная Петра Великого 1720 года, клинок прямой обоюдоострый, длиной 32 дюйма; у основания на обеих сторонах надписи. С одной: «Виват Царь Петр Первый, Император Всероссийский». С другой: «Олонецкой работы 1720». Эфес медный золоченый, с кривой дужкой и двумя на обе стороны чашками. Крыж увит золоченой проволокой, головка крыжа граненая. Ножны из нечерненой кожи, с золочеными гайкой, наконечником и портупейным крючком.

ю) Шпага собственная Петра Великого, клинок прямой обоюдоострый длиной 29,6 дюймов, у основания с обеих сторон украшен гравировкой и позолотой. Эфес золоченый, с кривой дужкой и двумя на обе стороны чашками. Крыж обвит скрученной железной лентой, головка крыжа граненая; ножны из нечерненой кожи, с кожаным наконечником, без гайки и крючка. При ней кожаная портупея, обтянутая черным вытершимся бархатом, со стальными полированными пряжками, и такая же лопасть.

я) Штаны собственные Петра Великого, из синего стамеда (вида шерстяной ткани. – С. Е.), на холщевой подкладке. Пуговицы синие, шелковые¹⁵.

Рядом с каждым предметом сделана приписка: «В 1827 г. от Министерства Императорского Двора».

Это описание петровских мемориальных вещей представляется наиболее полным на момент, когда музей еще не был затронут эвакуацией в Ярославль в годы Первой мировой войны, революционными потрясениями 1917 г. и Гражданской войной.

Таким образом, список мемориальных вещей Петра Великого состоял из 32 предметов и включал в себя: 2 алебарды (протазана), 1 протазан, знак шейный офицерский, камзол, штаны, мундир полковничий лейб-гвардии Преображенского полка, 2 кожаных колета, шляпа, краги, 15 портупей, 4 шарфа, 2 шпаги (одна из них с портупейей). По возвращении из эвакуации петровские мемории были сверены с описью. В «Красных книгах» рядом

Ил. 3. «Полтавский» мундир Петра I в экспозиции Артиллерийского музея. Фотография конца XIX – начала XX в.

с каждым из предметов сделана карандашная запись: «На лицо». Потерь не было.

В 1920–1930-е гг. фонды музея пополнялись за счет передачи собраний полковых музеев, музея общества ревнителей истории, музея Военно-учебных заведений, знаменного собрания Трофейной комиссии и национализированных частных коллекций, конфискованного органами милиции и НКВД оружия.

Например, из бывшего музея лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады, расформированного еще в 1918 г., в АИМ были переданы две потешные пушечки, подаренные царевичу Петру его отцом царем Алексеем Михайловичем.

АИМ не только пополнял собрание предметов Петровской эпохи и «меморий» первого российского императора, но и делился ими с другими музеями.

В 1937 г. мемориальный «полтавский» мундир Петра I (ил. 3) отправили в Эрмитаж на временную выставку «Военное прошлое русского народа в памятниках искусства и предметах вооружения XVII – начала XIX в.»¹⁶. В годы Великой Отечественной войны мундир вместе с эрмитажным собранием оказался в эвакуации в Свердловске, где некоторое время экспонировался на выставке «Героическое прошлое русского народа».

После войны этот уникальный памятник российской истории в АИМ уже не вернулся. В 1946 г. он демонстрировался на выставке «Героическое прошлое русского народа» в Гербовом зале Зимнего дворца. В 1959 г. по распоряжению Министерства культуры СССР мундир окончательно был передан в Государственный Эрмитаж и в том же году представлен на выставке, посвященной 250-летию Полтавской победы¹⁷. В АИМ остались только кожаные краги со шпорами для конного строя, надевавшиеся

поверх башмаков. Таким образом, мундир Петра I оказался разделенным между музеями. Неизвестна судьба «полтавских» башмаков. Относительно последних можно предположить, что в годы послереволюционной разрухи царская обувь вполне могла еще пригодиться для повседневной носки. Достаточно вспомнить рассказ М. Зощенко «Царские сапоги», в котором главный герой приобрел на музейной распродаже якобы сапоги самого Николая II, оказавшиеся, впрочем, дешевой подделкой.

Затерялась и шпага от «полтавского» мундира. По некоторым сведениям, она может находиться в оружейном собрании Государственного исторического музея.

С первых послевоенных лет и до начала 1950-х гг. музей делился своими памятниками с другими музеями, пострадавшими в годы Великой Отечественной войны. За счет его фондов был почти полностью восстановлен Мемориальный музей А. В. Суворова в Ленинграде и Музей истории Полтавской битвы на Украине. Много предметов было передано в государственные и краеведческие музеи Кишинева, Львова, Харькова, Минска и в другие города, разоренные войной.

Теперь остановимся теперь на тех мемориальных вещах императора Петра Великого, которые сохранились и в настоящее время находятся в собрании музея.

К наиболее ранним по времени изготовления предметам гардероба Петра I относятся две кожаные куртки (кожана)¹⁸ (ил. 4). Согласно устоявшейся легенде считалось, что царь-плотник работал в них на Ост-Индских верфях в Амстердаме во время

Ил. 4. Кожаная куртка (кожана)
Петра I. Конец XVII – начало XVIII в.
ВИМАИВиВС 12/587

Великого посольства 1697–1698 гг. Однако трудно себе представить человека, работающего топором, долотом и пилой в толстой кожаной куртке. Заниматься кораблестроительными работами в такой одежде и неудобно, и жарко.

Куртки из толстой буйволиной, воловьей или лосиной кожи стали популярным защитным вооружением кавалеристов с 30–40-х гг. XVII в. Их изготавливали из кожи, дубленой в рыбьем жиру, отчего та становилась эластичной и прочной.

Считалось, что мода на кожаные защитные куртки пришла из Швеции. В начале 1630-х гг. король Густав Адольф реорганизовал и перевооружил шведскую кавалерию, сформировав из нее полки по 1000 человек. Официально такие полки считались легкой кавалерией, но, по сути дела, стали образцом для тяжелой кавалерии Европы. Ради увеличения скорости Густав Адольф решил отказаться от тяжелых доспехов, сохранив только шлем и кирасу. В качестве дополнения защитного вооружения стали использовать толстые кожаные куртки. Они вполне могли защитить от удара сабли, пики или даже пули.

Петр I сам неоднократно участвовал в боевых действиях. В Полтавском сражении он, по преданию, лично возглавил кавалерийскую контратаку против шведов. Таким образом, защитные куртки могли быть необходимой составляющей его военного гардероба¹⁹.

К мемориальным памятникам Полтавской битвы относятся кожаные краги²⁰, которые были на Петре I во время сражения. Эти краги – единственное, что сохранилось в музее от так называемого «полтавского» мундира Петра I (ил. 5).

Мундир по форме офицера лейб-гвардии Преображенского полка включал в себя кафтан с широкими красными обшлагами и золочеными пуговицами, камзол, шляпу-треуголку черного цвета из фетра, бело-сине-красный офицерский шарф и офицерский шейный знак – горжет.

В шейном знаке сохранилась небольшая вмятина, возможно, это след от шведской пули.

Датский посланник Юст Юль отмечал, что во время боя треуголку царя «вдоль [ее] поля чиркнула пуля. Захвати эта пуля хотя бы всего на один палец в сторону, и царь был бы убит; из этого видно, что [самому] Богу было угодно сохранить его жизнь»²¹.

По мнению старшего научного сотрудника Государственного Эрмитажа С. Л. Плотникова, исследовавшего все известные

изображения Петра I в этом мундире, выстрел в царя был сделан снизу вверх. Скорее всего, в государя, сидевшего на лошади, выстрелил шведский пехотинец.

К сожалению, «историческое» отверстие в шляпе было аккуратно кем-то заштопано во время позднейших реставраций.

Петр I очень гордился своим боевым мундиром. В дни празднования годовщины Полтавской победы, а таковая отмечалась ежегодно и была «викториальным» днем, царь надевал его во время торжественного молебна и парада. Тот же Ю. Юль писал 8 июля (27 июня по русскому стилю) 1710 г.: «В этот день на царе была шляпа, которую он носил в Полтавском бою».

Другой иностранный наблюдатель, камер-юнкер голштинского герцога Ф.-В. Берхгольц во время торжеств 27 июня 1721 г. видел царя «в том самом одеянии, которое было на нем в день Полтавского сражения, то есть в зеленом кафтане с небольшими красными отворотами, поверх которых была надета простая черная кожаная португеза. На ногах у него были зеленые чулки и старые изношенные башмаки. В правой руке он держал пику как полковник гвардии, а левою придерживал под мышкой старую, очень простую шляпу»²².

Как уже отмечалось выше, после смерти Петра Великого его полтавский мундир хранился в Кунсткамере при Санкт-Петербургской Академии наук. В 1827 г. по распоряжению императора Николая I он вместе с другими военными реликвиями был передан в Достопамятный зал, преобразованный затем в Артиллерийский музей.

В 1937 г. мундир отправили в Эрмитаж на временную выставку, где он «задержался» до начала Великой Отечественной войны и был отправлен с эрмитажным собранием в Свердловск. После войны мундир в АИМ уже не вернулся. Уникальный памятник

Ил. 5. Краги кожаные для конного строя, которые были на Петре I во время Полтавского сражения 27 июня 1709 г. Россия. Начало XVIII в. ВИМАИВиВС 13/1811

Ил. 6. Камзол офицерский гвардейской пехоты обр. 1720 г. Принадлежал Петру Великому. Россия. 1720–1725 г. ВИМАИВиВС 12/1605

Ил. 7. Штаны (панталоны) от офицерского камзола гвардейской пехоты обр. 1720 г. Принадлежали Петру Великому. Россия. 1720–1725 г. ВИМАИВиВС 12/5131

русской истории – полтавский мундир Петра I оказался разделенным между музеями²³. В настоящее время он экспонируется в Музее российской гвардии Государственного Эрмитажа.

Петру Великому принадлежал и офицерский камзол гвардейской пехоты обр. 1720 г.²⁴ (ил. 6). Камзол темно-зеленого сукна с подкладкой из зеленой узорчатой шелковой ткани. Обшит узким позументом по бортам и обшлагам. Позументы и пуговицы позолочены. Камзол составляет пару с кафтаном²⁵, хранящимся в Государственном историческом музее.

В 1720 г. все гвардейские офицеры получили одинаковые темно-зеленые кафтаны, имевшие застежку до пояса, небольшой отложной воротник, разрезные обшлага и срезанные тупым углом карманные клапаны. По борту, воротнику, обшлагам, карманным клапанам, в фалдах и по заднему разрезу кафтан обр. 1720 г. обшивался в один ряд золотым галуном. Камзолы и штаны также были темно-зелеными и обшивались галуном. Судя по портретам и мемориальному мундиру Петра Великого, тогда же устанавливается особый рисунок гвардейского офицерского галуна – с продольными полосками в центре и зубчиками по краям. Цвет мундира, рисунок и расположение галуна оставались неизменными (с небольшими перерывами) до 1796 г.²⁶

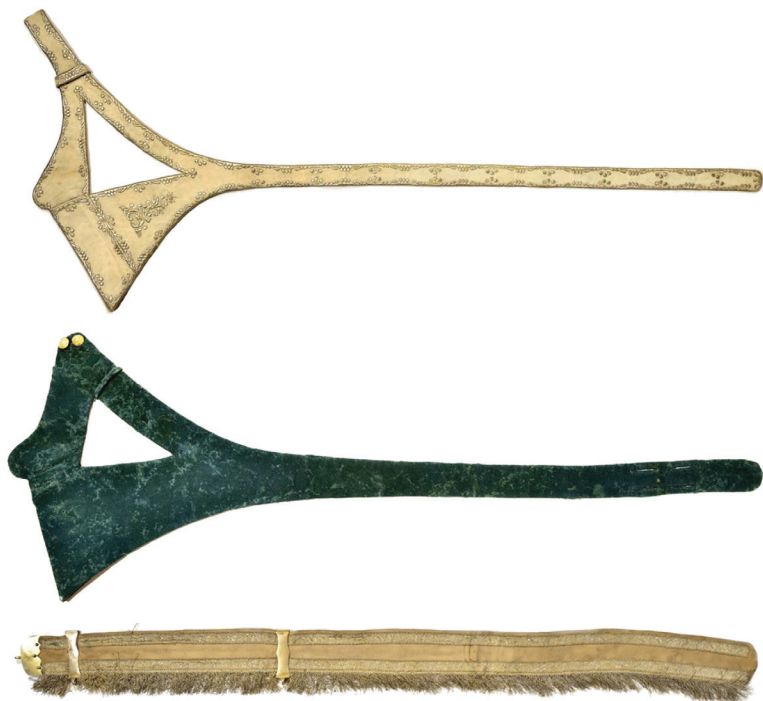

Ил. 8, 9. Шарфы офицерские. Принадлежали Петру Великому.
ВИМАИВиВС 13/5233, 13/5049

Штаны (панталоны) от офицерского камзола гвардейской пехоты обр. 1720 г. также принадлежали Петру Великому²⁷ (ил. 7).

В музее сохранились два офицерских шарфа²⁸ царя-реформатора (ил. 8, 9). На рубеже XVII–XVIII вв., в эпоху Петра I, европейский шарф становится одним из элементов русского военного костюма, отличительным знаком офицеров. Точная дата его появления в русской армии не известна. Достоверно можно говорить лишь о декабре 1699 г., когда во время похорон генерала Патрика Гордона на капитанах Бутырского полка были шарфы черного цвета, а шарф самого покойного несли перед его гробом среди прочих регалий. Это свидетельство указывает на то, что в Россию шарф пришел уже как один из важнейших символов офицерского звания и дворянской чести.

Шарфы петровской армии до начала 1700-х гг. не имели четко установленного цвета, а позднее их ткали из белого, синего и красного шелка. К концам шарфа прикрепляли по две кисти. У обер-офицеров они были серебряные, у майоров и подполковников – золоченые. Кроме того, у полковников в красную полосу шарфа вплеталась золоченая нить. Помимо бело-красно-синих

Ил. 10–12. Портупеи. Принадлежали Петру Великому. ВИМАИВиВС
13/1839, 13/4501, 13/4944

шарфов активно использовались тканые из белого шелка, золотые и т. д. Шарфы носили только в строю, как на поясе, так и через плечо²⁹.

Из пятнадцати петровских портупей, хранившихся в музее до революции, до настоящего времени сохранились всего три³⁰ (ил. 10–12).

Лопасть от одной из них³¹ в настоящее время хранится в Государственном историко-культурном заповеднике «Поле Полтавской битвы»³² (ил. 13). Скорее всего, лопасть была отделена от самой портупеи и передана наряду со многими другими экспонатами в воссоздаваемый в послевоенные годы Музей истории Полтавской битвы. На лопасти сохранился инвентарный номер АИМ с указанием на «Красные книги». Таким образом, еще одна из петровских меморий оказалась разделенной между музеями.

Отдельную группу предметов составляет мемориальное оружие, принадлежавшее Петру I. С офицерским протазаном³³ царь участвовал в Азовских походах 1695 и 1696 гг. (ил. 14, 15). На одной стороне пера протазана изображение руки с мечом (саблей), выходящей из облака. Ниже датирующая надпись: «Анно 1659» (1659 г.). Под ней ствол пушки, поверх которого находится барабан, знамена и шесть копий. Ниже находится надпись: «Soli Deo Gloria» (в переводе с лат. – «Одному Богу слава»). Это известная христианская теологическая доктрина, которая заключается в том, что человек должен почитать и поклоняться только Богу, так как спасение даруется только и единственно через Его волю и действия, не только дар Искупления Иисуса Христа на кресте, но также дар веры в это Искупление, созданной в сердцах верующих Святым Духом.

Между отрогами протазана, в кругу, изображение двух воинов,

Ил. 13. Лопась от португеи, принадлежавшей Петру Великому. Государственный историко-культурный заповедник «Поле Полтавской битвы». Фотография С. И. Шаменкова

Ил. 14, 15. Протазан офицерский, с которым Петр I участвовал в Азовских походах 1695 и 1696 гг. ВИМАИВиВС 124/461

Ил. 16. Протазан офицерский (полковничий). Принадлежал Петру I. Россия. 1706 г. ВИМАИВиВС 122/342

одетых в форму мушкетеров XVII в. (широкополюе шляпы с перьями, короткие колоты, перчатки с крагами, сапоги с отворотами) с ружьями и шпагами. Слева и справа от них военная арматура.

На другой стороне пера протазана также присутствует изображение руки с мечом, под которым надпись на латыни: «*Pare Sterofanes*».

Ниже изображение фигуры в шлеме на голове, в длинных одеждах, с поднятым вверх мечом в правой руке (возможно, богиня Правосудия). Внизу также изображение мушкетеров в круге и военной арматуры.

Протазан первоначально представлял собой не что иное, как рунку с короткими отростками. Хотя, по мнению некоторых оружейников, он эволюционировал в XV в. из «крылатого копья». Скорее всего, название произошло от оружия «соратников» или «партизан» (нем. Partisan). В XV и XVI вв. «партизанами» обычно называли некоторое количество воинов по числу шлемов или копий.

Ранние протазаны имели очень длинное и широкое обоюдоострое лезвие-перо (до 70 см), расширяющееся к основанию и имеющее два небольших загнутых вверх выступа. Выступы, служащие для отражения ударов, у более поздних протазанов преобразовались в сложные и декоративные формы.

Протазан широко применялся в ландскнехтских войсках как древковое оружие командиров. В XVII–XVIII вв. он оставался популярным в армиях европейских стран, где стал постепенно не столько оружием, сколько знаком воинского звания офицеров.

В России офицеры носили протазаны и их облегченную модификацию – эспонтон (т. е. копьё, лат. *espietus*) до эпохи Павла I.

С этим протазаном Петр I под именем командора Петра Алексеява шел в колонне Морского регимента во время торжественного вступления русских войск в Москву 30 сентября 1696 г. после взятия Азова³⁴.

Второй офицерский (полковничий) протазан³⁵ был вручен Петру I при присвоении чина полковника (старшего генерал-лейтенанта) лейб-гвардии Преображенского полка в 1706 г. главнокомандующим русской армией генерал-фельдмаршалом Б. П. Шереметевым. Протазан был прислан царю в качестве подарка из Москвы князем-кесарем Ф. Ю. Ромодановским вместе с грамотой, извещавшей о производстве царя в полковники (ил. 16).

6 августа 1706 г., в день полкового праздника Петр принял звание полковника. Он писал Ромодановскому: «Сего месяца в 6 день, по указу вашего величества (т. е. князя-кесаря. – С. Е.) господин крикс-комиссарий объявил мне чин полковника к полку Преображенскому, которая вашего величества милость не по долгу службы нашей, но единых ради щедрот ваших. В чем недоумеваемся, какое благодарение принести вам за сие, точию еще и зее малою, но усердною службы должность»³⁶.

Протазан имеет плоское копыце, расширяющееся книзу в форме полумесяца. Нижняя часть копыца вызолочена и украшена изображениями воинской арматуры. В середине, в венке, Андреевский крест под короной. Древяно украшено позолоченной кистью.

Петру I принадлежал и клинок сабли³⁷, которая поступила в музейное собрание в 1920–1930-х гг. На одной стороне клинка – изображение в овале Богородицы с Младенцем Христом на руках. Над ними два ангела, держащих в руках корону. Голова одного ангела утрачена. Еще один ангел находится под овалом. Ниже его – два подсвечника с горящими свечами. Изображения окружают семнадцать шестиконечных звезд. По голомени, вдоль обуха надпись по-гречески: «ΠΑΝΑΓΙΑ ΘΕΟΤΟΚΕ ΒΟΗΘΗΤΟΝ ΔΟΤΛΟΝ ΣΟΥ ΕΤΟΣ ΑΠ[Ο] Χ[ΡΙΣΤ]ΟΥ» («Пресвятая Богородица, помози рабу своему. В год [по пришествии] Христа») (ил. 17–19).

На клинке сохранились круглые выемки, где когда-то находились драгоценные (или полудрагоценные) камни – под нижним и под верхними ангелами; в начале, в середине и в конце надписи; в районе елмани.

На другой стороне клинка в овале изображение Георгия Победоносца на коне, поражающего копьём змея.

Рукоять и гарда сабли не сохранились. На черени гравированная надпись, с одной стороны: «Клинок от шашки, принадлежавшей // Императору Петру Великому, // перед Швейцарским

Ил. 17–19. Клинок сабли. Принадлежал Петру I. Россия. Конец XVII в. ВИМАИВиВС 117/725

походом // Императором Павлом I». С другой стороны продолжение: «этот клинок был передан // сыну своему Вел. Кн. Константину Павловичу, // от которого перешел по наследству // Кн. П. Д. Львову».

Второй сын императора Павла I великий князь Константин Павлович (1779–1831) участвовал в Итальянском и Швейцарском походе 1799 г. под началом генерал-фельдмаршала А. В. Суворова. Константин отличился в сражениях при селении Бассиньяно, у р. Треббия и г. Нови. За это отцом был награжден (в нарушение «Учреждения об императорской фамилии» 1797 г.) титулом цесаревича, который мог носить только наследник престола, и орденом Св. Иоанна Иерусалимского.

В семью Львовых мемориальная сабля попала через Павла Константиновича Александрова (1808–1857) – внебрачного сына цесаревича Константина Павловича и его гражданской жены Жозефины (Ульяны Михайловны) Фридрихс, урожденной Мерсье (1778–1824). Фамилию мальчика произвели от имени его крестного отца – императора Александра I. В 1812 г. он был возведен в дворянское достоинство, записан юнкером в лейб-гвардии Конный полк и через несколько дней произведен в корнеты – младший обер-офицерский чин в кавалерии. В 1823 г. поступил на действительную военную службу. Участвовал в кампаниях

Ил. 20. 1/2-гривенковая пушка, подаренная царевичу Петру его отцом царем Алексеем Михайловичем. Россия. Конец XVII в. ВИМАИВиВС 1/24

1831 и 1832 гг. В 1837 г. – полковник, в 1846 – генерал-майор, в 1855 – генерал-адъютант, в 1856 г. – генерал-лейтенант. Был женат (1833) на Анне Александровне, урожд. княжне Щербатовой (1808–1870). Имел дочь княжну Александру (1836–1884), в замужестве княгиню Львову.

Владелец клинка, упоминаемый в гравированной надписи – князь Павел Дмитриевич Львов (1864–1919?), театральный меценат и большой поклонник спорта, близкий друг танцовщика В. Нежинского. Финансировал проведение за границей «Русских сезонов» 1909 г. Он был младшим сыном князя Дмитрия Александровича Львова (1833–1874) флигель-адъютанта, шталмейстера Двора Его Императорского Величества. Его матерью была Александра Павловна Александрова (1836–1884), внучка цесаревича Константина.

В собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи находятся две 1/2-грив. потешные пушки³⁸, отлитые во второй половине XVII в. и, по преданию, подаренные царевичу Петру его отцом царем Алексеем Михайловичем. В начале XVIII в. эти «потешные» пушечки были переданы Петром I в бомбардирскую роту лейб-гвардии Преображенского полка, где хранились до 1796 г. В том же

году, после расформирования роты, пушки попали к ротному командиру, герою наполеоновских войн генерал-майору Павлу Сергеевичу Ланскому (1757–1832). Затем они перешли к его родственнику, офицеру лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады Родионову, который подарил пушки генерал-фельдцейхмейстеру великому князю Михаилу Николаевичу. В 1894 г. он передал уникальные реликвии в Исторический музей гвардейской артиллерии. После расформирования музея в 1918 г. пушки поступили в собрание Артиллерийского исторического музея³⁹ (ил. 20).

Как известно, интерес, а затем и увлечение артиллерийским делом появились у Петра еще в раннем детстве.

В июле 1676 г. живописцу Дорофею Ермолаеву было выдано 1 рубль 19 алтын 4 деньги на золото и краски, которыми он расписывал потешные игры для четырехлетнего царевича Петра – две пищали, пару пистолетов, три булавы, три пернача, три обушка, три топорика и три ножичка. Позднее Ермолаев расписывал золотом потешную пушечку со станком и колесами, которая была отправлена царевичу в Преображенский дворец. В декабре того же года царевичу делают пять барабанцев, потешные деревянные пистолы, карабины и пищали винтованные с замками.

Таким образом, с раннего детства в хоромах царевича Петра Алексеевича находились военные игрушки. По мере взросления государя эти игрушки развивались в военные «потехи». В начале 1682 г. для царевича в Кремле устраивается потешная площадка с деревянным шатром, потешной избой. На этой площадке были поставлены деревянные пушки.

Сохранились многочисленные записи об изготовлении и выдаче из Оружейной палаты по требованию Петра различных предметов вооружения. Так, например, 13 января 1683 г. велено было сделать в покои малолетнего царя две пушки деревянные потешные, одна длиной в аршин, другая – в полтора аршина, на станках, с дышлами и окованными железом колесами. Внутри пушки были опаяны жостью и высеребрены, станки, дышла и колеса расписаны «зеленым аспидом», кайма, клейма и прочие украшения отлиты из олова.

Стольник Оружейного приказа Афанасий Нестеров, знаток оружейного дела, руководил Петром в его воинских играх «потешках» и в самом выборе «потешек». В ведомостях о выплате жалования он упоминался «учителем» Петра до 1692 г.

Ил. 21–23. Два парных охотничьих штуцера, изготовленных для Петра Великого на Сестрорецком оружейном заводе в 1725 г. ВИМАИВиВС 17/49, 17/61

После переезда двора царицы Натальи Алексеевны на лето в село Воробьево в мае 1683 г. военные забавы царя приобрели более широкий размах. На загородных полях было гораздо больше простора, нежели среди кремлевских теремов. В Воробьево производится стрельба уже не из деревянных, а из настоящих пушек. В день рождения государя 30 мая 1683 г. была «потешная огнестрельная стрельба». Ею руководил огнестрельный мастер Симон Зоммер и действовавшие под его началом русские мастера гранатного и огнестрельного дела из Пушкарского приказа. За эту потеху мастера получили царскую награду.

В июне Зоммер вновь проводит потешную стрельбу в селе Преображенском. За это он был пожалован государевым жалованием – «сукном английским добрым 5 аршин». Таким образом, первым наставником Петра в артиллерийском искусстве стал «огнестрельный мастер» Симон Зоммер, приехавший в Россию из Бранденбурга в 1682 г. и принятый на государеву службу в чине капитана в полк генерала А. А. Шепелева. При поступлении на службу ему был пожалован от великих государей Петра I и Ивана V «за выезд, против братии нововыезжих иноземцев, портище (кусок) камки адамашки (дамасской ткани) из Казенного Приказа». К 1691 г. он дослужился уже до подполковника⁴⁰.

С большой долей вероятности можно утверждать, что для Петра Великого на Сестрорецком оружейном заводе в 1725 г. были изготовлены два парных охотничьих штуцера⁴¹. Они поступили в музей в 1931 г. из Государственного Эрмитажа в составе коллекции оружия арсенала Аничкова дворца (ил. 21–23).

Как известно, в отличие от своего отца император Петр Великий не любил охоты. Рассказывают, что во время пребывания царя в Польше местные магнаты предложили ему принять участие в охоте. Петр поблагодарил их и ответил: «Довольно охоты той, чтоб гоняться за шведами».

По словам И. И. Голикова, одного из первых историографов Петра I, однажды в ранней юности царь остроумно посмеялся над боярами, любителями охоты. Несколько бояр начали восхвалять пред ним псовую и птичью охоты как благородные забавы, прося государя принять участие в охоте. Петр назначил день и место для псовой охоты. Выехав затем в поле, он объявил боярам, что желает иметь дело только с ними, а не с псарями-холопами. Псаря должны были удалиться, передав собак господам. Господа же тотчас «привели псов в расстройку». Напуганные собаками лошади унесли далеко в поле своих седоков; некоторых сбили с седла; других же собаки, путаясь в сворах, стащили с лошадей. Когда на другой день Петр пригласил бояр – тех, которые не лежали в постели после псовой охоты, – участвовать в соколиной охоте, то они благоразумно отказались, помня полученный урок. Тогда юный Петр сказал им следующее: «Аще светлая слава есть в оружии, то почто же мя ко псовой охоте от дел царских отвлекаете и от славы к бесславию приводите? Аз Царь есмь и подобает ми быти воину, а охота оная прилежит псарям и холопам».

Во время своего второго путешествия по Западной Европе в 1716–1717 гг. Петр I посетил Париж, где в честь него, наряду с другими торжествами, была устроена охота на оленя. Современник писал: «В воскресенье, 30 Мая, он отправился с Бельгардом, сыном д'Анте́на и преемником его по управлению зданиями и многими станциями, обедать к д'Анте́ну в Пети-Бур. После обеда д'Анте́н показывал ему Фонтенбло, где царь провел ночь; а на другой день они поехали на охоту за оленем, которую имел честь разделять с ними граф Тулузский. Место несколько понравилось царю, а самая охота вовсе не понравилась, где он

чуть не упал с лошади; упражнение это он нашел чересчур сильным, к какому он не привык. По возвращении он изъявил желание обедать один с своей свитой на острове в пруде на фонтанном дворе и возвратился в Пети-Бур в одной карете с тремя лицами из своей свиты».⁴²

Еще три предмета, являющихся петровскими мемориями, связаны с последней военной компанией Петра Великого – Персидским походом. В июле 1722 г. начался поход русской армии и флота в принадлежавшее Персии юго-восточное Закавказье и Дагестан.

Император Петр Великий отплыл из Астрахани с войсками морем. Конница направилась сухопутным путем к Дербенту вдоль Каспийского моря. 25 июля 1722 г. Петр Великий писал персидскому шаху Хусейну I о начале и причинах Каспийского похода: «Мы идем к Шемахе не для войны с Персией, но для искоренения бунтовщиков, которые нам обиду сделали». Крепость Дербент была ключевой точкой в этом походе. Предполагалось, что она будет местом, куда русские купцы будут привозить товары с Востока для торговли с Европой. 15 августа передовой отряд русской армии под командованием подполковника Наумова подошел к Дербенту и начал переговоры с наибом (наместником) Имам-Кули-беком о сдаче города.

23 августа к Дербенту подошли основные сухопутные силы русских во главе с императором Петром Великим. Наиб во главе делегации из почетных горожан встретил российского монарха за версту от города. По-восточному в витиеватой верноподданнической речи Имам-Кули-бек сказал: «...Город наш, хотя и отстроен по вкусу персидских царей, однако ж много есть доказательств, что он получил основание свое от Александра Великого. Поэтому нет ничего приличнее и справедливее, как город, основанный Великим, передать во власть не менее Великого монарха». Встав на колени, наиб поднес российскому императору на блюде, покрытом отрезом парчи, два серебряных ключа от городских ворот.

Затем русские войска во главе с Петром Великим вступили в город: «...В четвертом часу пополудни пошли к городу строем, с распущенными знаменами и музыкой, и шли таким образом: перво шел батальон гренадеров, перед которыми его Величество ехал на лошади яко полковник, с обнаженной шпагою. По сторонам шли пешком его Величества четыре пажа в уборном

Ил. 24. Блюдо, на котором Петру Великому были поднесены ключи от г. Дербента в 1722 г. Персия. Первая четверть XVIII в. ВИМАИВиВС 8/630

платье. За его Величеством следовала гвардия, позади изволили ехать в карете ее Величество Государыня императрица. А за ее Величеством в четырех каретах ехали гофдамы. За ними шли Астраханский, Ингерманландский и прочие походные полки от авангардии». О благополучном вступлении в Дербент император сообщал сенаторам: «...Наиб сего города и ключ поднес от ворот.

Ил. 25. Отрез парчи, покрывавший блюдо, на котором Петру Великому были поднесены ключи от г. Дербента в 1722 г. Персия. Первая четверть XVIII в. ВИМАИВиВС 8/1242

Правда, что сии люди не лицемерно, любовно приняли и были так рады, как бы своих из осады выручили».

В награду за верноподданство наиб Имам-Кули-бек был назначен правителем Дербента и начальником «туземного» войска, ему были пожалованы чин генерал-майора, постоянное годовое жалование, портрет с изображением Петра I с алмазами и тысяча червонцев. Жителям Дербента император выдал жалованную грамоту, которой, в частности, даровал им свободу торговли в России.

В городе император поселился в подготовленной Наумовым землянке в нижней, незаселенной части города, где расположились русские войска.

26 августа 1722 г., отслужив торжественный молебен «за получение фута в сей земле», русская армия во главе с императором двинулось на юг, на Баку и Шемаху. Однако 5 сентября 1722 г. на военном совете на р. Рубас было принято решение завершить поход.

В Дербенте был оставлен гарнизон в составе двух батальонов пехоты и 72 гренадеров под командованием полковника А. Юнгера.

В сентябре 1723 г. сын шаха Тахмасп II согласился на поставленные условия по мирному договору, который гласил, что персидский правитель «... уступает Его Императорскому Величеству Всероссийскому в вечное владение города Дербент, Баку, со всеми к ним принадлежащими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами». В 1735 г. Дербент вновь отошел к Персии по Гянджинскому мирному договору⁴³.

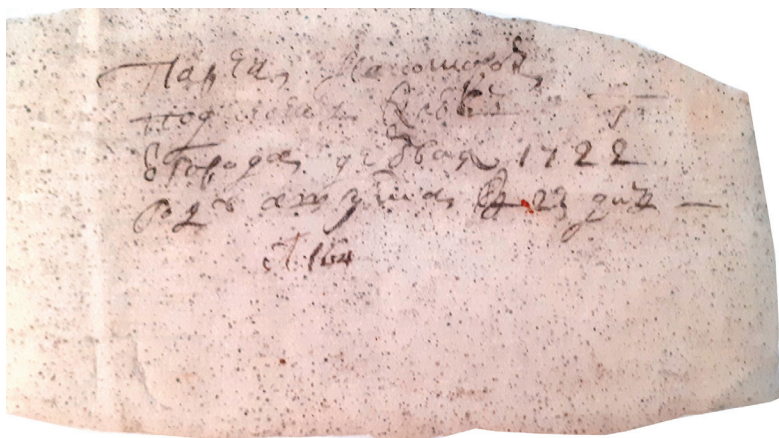
В музее хранится блюдо⁴⁴ (ил. 24), покрывавший его отрез парчи⁴⁵ (ил. 25), на котором Петру Великому были поднесены ключи от г. Дербента (сохранился один из ключей) (ил. 26)⁴⁶.

Вместе с отрезом парчи сохранился бумажный ярлык, на котором скорописью первой четверти XVIII в. написано: «Парча на которой поднесен ЕИВ (Его Императорскому Величеству. – С. Е.) ключ от города Дербеня 1722 году августа в 23 день» (ил. 27).

Кабинет-секретарь государя А. В. Макаров в письме лейб-медику императора Л. П. Блюментросту просил принять некоторые из них на хранение в Кунсткамеру: «Государь мой, Лаврентий Лаврентьевич! В прошлом 1722-м году, августа в 23-го числа, в прибытие Его Императорского Величества к персидскому городу Дербеню (Дербенту. – С. Е.), поднес Его Величеству владелец,

Ил. 26. Ключ от г. Дербента, поднесенный императору Петру Великому дербентским наибом Имаммом-Кули-Бекком 25 августа 1722 г. Персия. Первая четверть XVIII в. ВИМАИВиВС 8/1228

Ил. 27. Бумажный ярлык, сохранившийся вместе с отрезком парчи, покрывавшим блюдо, на котором Петру Великому были поднесены ключи от г. Дербента

наип (наиб, араб. – заместитель, уполномоченный, наместник. – С. Е.), того города серебряный ключ на блюде деревянном, которое было покрыто персидским изарбатом (вид шелковой ткани. – С. Е.). Да в нынешнем 1723-м году, мая 25-го числа из Астрахани генерал-майор господин Матюшкин писал в кабинет Его Величества, что апреля 7 числа морского флота капитан Золотарев с Кизылбашами⁴⁷ имел бой близ персидского города Зинзмлии, которые с батареей по нашим судам стреляли медными ядрами и один гукор⁴⁸ наш пробил. И то ядро прислано ныне сюда⁴⁹. А понеже оный ключ, блюдо и изарбат, також и ядро медное, указал Его Величество отослать в кунст-камору для куриозите, того для оное прикажите принять и записать в книгу

для памяти на предбудущее время. Слуга ваш Алексей Макаров. 16 июня 1723 г.»⁵⁰.

По распоряжению императора Николая I эти петровские мемории, привезенные из Персидского похода, также были переданы из Кунсткамеры в Достопамятный зал.

Почти за двести лет пребывания петровских меморий в собрании музея до настоящего времени сохранилось 20 предметов: два кожана, краги, офицерский камзол, штаны, два офицерских шарфа, три портупей, два протазана, клинок сабли, две потешные пушки, два штуцера, блюдо, отрез парчи и ключ от Дербента. Следует отметить, что три из них поступили в музей уже после революции 1917 г.

Как отмечалось выше, в советское время отдельные предметы были переданы в другие музеи. Часть из них оказались «обезличенными» и растворились в музейных собраниях, где ничего уже не говорит об их принадлежности великому императору. Оставшиеся в ВИМИАВиВС мемориальные вещи Петра Великого в настоящее время тщательно сберегаются, реставрируются, экспонируются и изучаются. Наряду с военными памятниками петровской эпохи, а их в музее более трехсот, они являются уникальными реликвиями эпохи, когда «Россия вошла в Европу как спущенный корабль, при стуке топора и громе пушек»⁵¹.

---

¹ О формировании собрания памятников петровской эпохи, в том числе личных вещей Петра Великого см.: Ефимов С. В. 1) Петр Великий и русская армия. Памятники Петровской эпохи в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб., 2022; 2) «На вечную память поставить...»: Памятники эпохи Петра Великого в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи // Сборник материалов и исследований Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб., 2022. Вып. XII. С. 294–337.

² Беляев О. Кабинет Петра Великого: в 3 частях. СПб., 1800. С. 29.

³ Там же. С. 34.

⁴ Тарасова Н. И. Из дворцовых кладовых – в собрание музея. История коллекции «Гардероб Петра I». СПб., 2022. С. 41.

⁵ Эти варианты хранятся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Ф. 550. Ф. IV. 366, 614, 613, 615).

⁶ См. подробнее: Рудакова Л. П. История создания и бытования альбомов чертежей достопамятностей Санкт-Петербургского арсенала // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Десятой Международной научно-практической конференции. СПб., 2021. Ч. III. С. 167–185.

- ⁷ Описание достопамятных предметов, хранящихся в С.-Петербургском арсенале. 1838 г. // РНБ. ОСРК. Ф. IV. Д. 616. Л. 294–297.
- ⁸ Там же. Л. 292.
- ⁹ Там же. Л. 256–263.
- ¹⁰ Там же. Л. 106.
- ¹¹ Тальзин И. Д. Описание артиллерийского зала достопамятных и недостопамятных предметов 1862 года / Подг. текста А. И. Вознесенская, Л. К. Маковская, И. В. Кобак. СПб., 2006.
- ¹² Там же. С. 84–85.
- ¹³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 29. Л. 113.
- ¹⁴ «Полтавская» треуголка Петра I уже во второй половине XVIII в. находилась в удручающем состоянии. Упомянувшийся уже Осип Беляев приводит примеры, когда высокопоставленным посетителям Кунсткамеры дозволялось взять в руки знаменитую шляпу, пробитую шведской пулей в Полтавском бою. Так, в 1775 г. ландграфиня Гессен-Дармштадтская поцеловала царский головной убор со словами: «O grand home!». Император Иосиф II, побывавший в Кунсткамере в 1780 г., внимательно рассмотрел шляпу со всех сторон и, возвращая ее на место, обратился к сопровождавшим его со словами: « Се памятник примерныя неустрашимости». Впрочем, иногда треуголку разрешали подержать и обычным посетителям музея (Беляев О. Кабинет Петра Великого С. 38, 39).
- ¹⁵ Там же. Ф. АИМ. Оп. 111. Д. 1. Л. 39 об. – 46 об.
- ¹⁶ Военное прошлое русского народа в памятниках искусства и предметах вооружения XVII – начала XIX в.: Очерк-путеводитель по выставке. Л., 1939. С. 39; Тарасова Н. И. Из дворцовых кладовых – в собрание музея. С. 71–72.
- ¹⁷ Полтавская победа в исторических и художественных памятниках из собрания Эрмитажа. СПб., 2009. С. 26–29; Тарасова Н. И. Из дворцовых кладовых – в собрание музея. С. 78–79.
- ¹⁸ ВИМАИВиВС 12/1587, 12/1623.
- ¹⁹ Лит.: Ефимов С. В. Памятники Полтавской битвы в собрании Военно-исторического музея артиллерии инженерных войск и войск связи // Сборник исследований и материалов Военно-исторического музея артиллерии инженерных войск и войск связи. Вып. IX. СПб., 2010. С. 295–306.
- ²⁰ ВИМАИВиВС 13/1811.
- ²¹ Юль Ю. Записки датского посланника в России при Петре Великом / Лавры Полтавы. М.: Фонд Сергея Дубова, 2001. С. 189.
- ²² [Берхгольц Ф.-В.] Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. 1721–1725. Ч. 1, 2 / Неистовый реформатор. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 145–146.
- ²³ Ефимов С.В. Петр Великий и русская армия. С. 458–459; Тарасова Н.И. Из дворцовых кладовых – в собрание музея. С. 71, 78–79.
- ²⁴ ВИМАИВиВС 12/1605.
- ²⁵ Государственный исторический музей. Инв. № 68257/12276 Т-195.
- ²⁶ См.: Летин С. А., Леонов О. Г. Русский военный мундир. От Петра I до Петра III. М., 2008. С. 99.
- ²⁷ ВИМАИВиВС 12/5131.
- ²⁸ ВИМАИВиВС 13/5049, 13/5049.

- ²⁹ «Совершенная виктория». К 300-летию Полтавского сражения. Каталог выставки. СПб., 2009. С. 342; Печейкин А. В. Парадный офицерский пояс // Военно-исторический журнал. 2010. № 10. С. 78–79.
- ³⁰ ВИМАИВиВС 13/1839, № 13/4501, № 13/4944.
- ³¹ Лопасть от португези (ВИМАИВиВС. № 13/4944). В «Красных книгах» Н. Е. Бранденбурга (№ 157, пункт П) указано, что португеза была с лопастью (Архив ВИМАИВиВС. Ф. АИМ. Оп. 111. Д. 1. Л. 43 об.).
- ³² Благодарю за предоставленную информацию Б. В. Мегорского, руководителя военно-исторического клуба «Лейб-гвардии Преображенский полк 1709».
- ³³ ВИМАИВиВС 124/461.
- ³⁴ Поход боярина и большого полку воеводы Алексея Семеновича Шеина к Азову, взятие сего и Лютика города и торжественное отуды с победоносным воинством возвращение в Москву / Изд. Василий Рубан. СПб.: [Тип. Мор. кадет. корпус], 1773; Бобровский П. О. История лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1900. С. 300; Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 1. М., 1940. С. 347; Гордон П. Дневник. 1696–1698 / Ред. М. Р. Рыженков. М.: Наука, 2018.
- ³⁵ ВИМАИВиВС 122/342.
- ³⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1900. Т. IV (1706 г.). С. 331. № 814; Бобровский П. О. История лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1904. Т. II. С. 97; Ефимов С. В. 1) Петр Великий и военно-исторические реликвии // Victoria. Gloria. Fama. Материалы Международной научной конференции, посвященной 300-летию Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Секция «Военно-исторические музеи мира: коллекции, традиции, современность». СПб., 2003. С. 48–49; 2) Памятники Полтавской баталии в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. С. 295–306.
- ³⁷ ВИМАИВиВС 117/725.
- ³⁸ ВИМАИВиВС 1/23, 1/24.
- ³⁹ Потоцкий П. История гвардейской артиллерии. СПб., 1896. С. 4; Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. Историко-бытового музея. Оп. 110/6. Д. 37. Л. 48; Там же. Ф. ЗР. Оп. 9. Д. 7. Л. 13; Каталог материальной части отечественной артиллерии. С. 169–170.
- ⁴⁰ См.: Сборник выписок и архивных бумаг о Петре Великом / Сост. Г. В. Есипов. М., 1872. Т. 1; Астров Н. Первоначальное образование Петра Великого // Русский архив. 1875. Кн. 2; Погодин М. П. Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого. 1672–1689 гг. М., 1875; Каталог материальной части отечественной артиллерии / Сост. В. П. Вышенков, Л. К. Маковская и Е. Г. Сидоренко. Л., 1961. С. 169–170. С. № 313; Ефимов С. В. 1) Державный бомбардир (Артиллерийское образование Петра I) // Бомбардир. 2002. № 15. С. 135–138; 2) «Признать и почитать за совершенного, в метании бомб острогожного и искусного огнестрельного художника...». Петр I как артиллерист // Бомбардир. 2022. №. 32. С. 40–51.
- ⁴¹ ВИМАИВиВС 17/49, 17/61.
- ⁴² Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. СПб., 1788. Т. I. С. 365; Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Яковом Штелиным. 3-е изд., вновь испр. Ч. 1–4. М., 1830. С. 104; Журнал путешествия во Францию и пребывания в Париже Петра Великого в 1716 году // Отечественные записки.

1822. Т. 12. № 32. С. 326; О пребывании Петра Великого в Париже, в 1717 году. Из записок герцога де Сен-Симона // Журнал министерства народного просвещения. 1856. Ч. 89. № 1. С. 16; Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891. С. 44; Маковская Л. К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII веков: Каталог. М., 1990. № 418. С. 232–233.

⁴³ См. подробнее: Лысцов В. П. Персидский поход Петра I: 1722–1723. М., 1951. Кавказский вектор российской политики. Т. 1. XVI–XVIII вв. / Сост. М. А. Волховский, В. М. Муханов. М., 2011; Курукин И. В. Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М., 2019.

⁴⁴ ВИМАИВиВС 8/630.

⁴⁵ ВИМАИВиВС 8/1242.

⁴⁶ ВИМАИВиВС 8/1228.

⁴⁷ Кызылбаши (кизильбаши, от тюркск. «красноголовые») – объединение тюркских кочевых племен, кочевавших на территории Персии, Анатолии и Азербайджана.

⁴⁸ Гукор – парусное двухмачтовое судно с широким носом и круглой кормой водоизмещением 60–200 тонн.

⁴⁹ О ядрах из Персидского похода, переданных в Кунсткамеру, см. подробнее: Копанева Н. П. «Для памяти на предбудущее время» // Кунсткамера. № 2 (8). 2020. С. 91–99.

⁵⁰ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1 (1716–1730). СПб., 1885. С. 8.

⁵¹ Пушкин А. С. Собрание сочинений в десяти томах. Т. VII. Критика и публицистика. Л.: Наука, 1978. С. 211.